

3. Кассирер, Э. Философия символических форм. Т 2: Мифологическое мышление. — М: Академический Проект, 2011. — 279 с.
4. Кассирер, Э. Философия символических форм. Т 3: Феноменология познания. — М: Академический Проект, 2011. — 398 с.
5. Фохт, Б. А. Понятие символической формы и проблема значения в философии языка Э. Кассирера. Тезисы к докладу // Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. с. 763.

Социальное доверие как условие самоорганизации информационных сетей

Ягодзинский Сергей Николаевич, кандидат философских наук, доцент
Национальный авиационный университет (Украина, г. Киев)

Исследует самоорганизация социальной системы. Обосновывается мысль о том, что на рубеже XX—XXI веков разросшаяся до глобальных масштабов самоорганизация нивелировала понятия внешнего по отношению к ней пространства. Высказывается предположение об определяющей роли социального доверия, как внутреннего ресурса самоорганизации информационных сетей — нового этапа социальной самоорганизации.

Ключевые слова: глобальные информационные сети, социальная синергетика, социокультурный потенциал сетей, социальное доверие, социальная ответственность.

Парадигмой современного социально-гуманитарного знания есть тезис о самоорганизации общества. Оставим за пределами нашего исследования вопрос обоснованности данного положения сугубо социально-философскими категориями и примем его без дополнительной дискуссии. Законы синергетики утверждают, что самоорганизация системы невозможна, если в ней не соблюдены два условия. Во-первых, система должна воспринимать влияние внешних факторов, которые сообщают ей кинетическую энергию. За счет этого развиваются и обновляются существующие элементы и связи, а также продуцируются новые. Оболочка самоорганизующейся системы порождает и приводит в действие совокупность балансов, которые, с одной стороны, сохраняют целостность системы, а с другой — обеспечивают ее открытость. В результате, система становится динамичной, но при этом неравновесной. То есть ее внешний контур указывает только на события, которые уже произошли, оставляя последующие состояния неизвестными.

Особенности структурированности внутренних ресурсов составляют второе свойство самоорганизации. Его главной функцией является запуск и поддержание самоорганизационных процессов за счет рекомбинации элементов, регуляции их взаимодействия и оптимизации информационных каналов. Если перечисленные требования соблюдены, система (в том числе и социальная) начинает функционировать как самоорганизующаяся. Для большинства социально-философских исследований констатации этого факта достаточно, чтобы осуществлять оценку социального пространства, изучать его эволюцию, выявлять историко-культурные, аксиологические, общественно-политические и другие детерминанты.

Первичные трудности в понимании закономерностей функционирования диссипативной системы появляются

при появлении внешнего или внутреннего дисбаланса. Как правило, он является следствием роста энтропии, которая, в свою очередь, указывает на появление в системе устойчивых структур. Для поддержания их функциональности самоорганизующейся системе достаточно черпать энергию из окружающей среды.

Составлена в современном мире геополитическая ситуация, разделение его на векторы «Запад-Восток», «Север-Юг» является иллюстрацией применимости законов синергетики не только к физическим или химическим соединениям, но и к социальной системе в целом. Страны так называемого «золотого миллиарда» создали вокруг себя среду, за самоорганизацию которой они не отвечают, однако черпают из нее энергию в виде ресурсов (рабочая сила, полезные ископаемые и т.п.). Такая диспозиция еще недавно считалась устойчивой и эффективной, поскольку, обогащая одну часть населения Земли, поддерживала жизнедеятельность стран третьего мира, способствовала увеличению численности трудоспособного населения и миграции наиболее талантливых.

На рубеже XX-XXI веков перспективность описанного взаимодействия, по нашему мнению, следует пересмотреть. Ведь под влиянием глобальных информационных сетей мир становится не просто экономически глобальным, но и информационно-целостным.

Возвращаясь к законам синергетики, отметим, что в указанном процессе нет ничего удивительного. Самоорганизующаяся система, аккумулируя и превращая внешнюю энергию, укрупняет свои структурные элементы, а также неизбежно расширяется. Отсутствие увеличения масштабов системы со временем приводит к ее коллапсу. Об этом свидетельствует и обнаружена К. Гедделем невозможность одновременной полноты и непротиворечивости системы. Очевидно, что самоорганизую-

щаяся система, которая уравнивает свои элементы и порождает на их основе новые, не может быть противоречивой. Вследствие этого, в системе неизбежно появляются свободные компоненты и разорванные зависимости. Их увеличение и порождает энтропийный эффект, при котором неупорядоченные элементы, наполняя пространство, замедляют самоорганизации процессы.

В применении к обществу описанная рекурсия постепенно втягивает в самоорганизацию всё социальное пространство, и наступает момент, когда аттракторов — точек стабильного перехода системы на новый уровень — не остается. При этом флуктуации — колебания, отклонения, корреляции и т. п. процессы — не останавливаются, что и приводит к вхождению общества в круг событий точки бифуркации.

Непрозрачность этого объекта исключает любые экспертные, аналитические, социологические, политологические оценки состояния и перспектив общественного развития. Как учит синергетика, состояние нестабильности кратковременно, а выход из него раскрывает перед системой новые возможности по реализации ее потенциала. Впрочем, это справедливо лишь для открытых систем, которые способны решать внутренние противоречия за счет внешнего ресурса.

Фундаментальная наука, впервые описавшая диссипативные структуры, не ставит вопрос о судьбе самоорганизующихся систем при недостаточности внешнего воздействия. К сожалению, в социальной философии эта проблема тоже не является четко артикулированной, а потому она не была предметом самостоятельных исследований. Как самоорганизующаяся система, общество не сталкивалось с такими случаями, а потому описание условий появления флуктуаций, которые приводят к обновлениям системы через аттракторы или бифуркации, не осуществлялось.

Одно из объяснений этому кроется в особенности общества как системы. От естественных и искусственных открытых систем общество отличается нелинейной структурированностью и фрактальной природой своих элементов. В свернутом виде каждый элемент социальной системы потенциально способен воспроизвести всё многообразие социальных связей.

Очевидной указанная особенность социальной системы стала в условиях тотального подчинения социального пространства глобальными информационными сетями. Вместе с тем, социальная реальность конца XX — начала XXI века гиперболизировала обратную сторону самоорганизационных процессов. Поскольку в условиях глобализации самоорганизация за счет перераспределения социального пространства и времени значительно затруднена, созданные международные политические, экономические и культурные структуры производят так называемую социальную энтропию.

Понятие энтропии в свое время было предложено основателем теории информации К. Шенноном. Рассматривая его как альтернативу понятию «информация», он

считал необходимым оттенить отдельным термином степень неупорядоченности системы, насыщенность информационными потоками, которые структурируют ее связи и компоненты.

Наше обращение к этому понятию не случайно, ведь оно единственное в арсенале понятийно-терминологического аппарата современной науки, которое схватывает и описывает связи между микро- и макро-уровнями систем, а также характеризует направленность процессов. Понятие социальной энтропии важно еще и по той причине, что оно не концентрируется на процессах перехода от одного социального состояния в другое, а только связывает предыдущую и следующую их диспозицию.

Энтропийный подход к истолкованию социальных трансформаций является наиболее удобным в социально-философском исследовании, ведь он позволяет концентрироваться только на ключевых отношениях и зависимостях. Учитывая свойства энтропийного перехода, отметим, что увеличение хаоса социальной системы не поглощается новыми общественными задачами, ценностями, ориентирами и перспективами. Причиной этого является ослабление или разрушение устоявшейся системы связей между указанными элементами. Вследствие этого они не способны обеспечивать стабильность и надежность функционирования социума как самоорганизованной системы.

История знает немало примеров исчезновения цивилизаций, находившихся на достаточном уровне социально-экономического развития. Игнорирование нарастания социальной энтропии постепенно выводит социальную систему из состояния равновесия.

На наш взгляд, социальные системы информационного общества не лишены подобного недостатка, но имеют внутренние инновационные ресурсы компенсации энтропии. К таким компенсаторным механизмам мы относим глобальные информационные сети, социокультурный потенциал которых способен нивелировать рост энтропии посредством повышения уровня социальной справедливости, ответственности и доверия.

В ряде публикаций мы неоднократно поднимали вопрос стабильности социальной системы информационного общества. Но даже выверенная и исторически апробированная система общественных отношений, дополнена прозрачными механизмами распределения ресурсов, доступ к информации и свобода слова способны потерять свою эффективность при отсутствии института социального доверия. В научной литературе это объясняется уплотнением физического и социального пространства, в результате чего мы оказываемся «слишком близко друг от друга» [2, с. 6]. Перевод всей совокупности общественных отношений в режим реального времени делает невозможным сохранение старых стереотипов массового сознания.

В любом случае, важна не принадлежность нормы той или иной формы общественного дискурса, а ее роль в системообразующих социальных процессах. Как известно, состояние, при котором общественные нормы отсутствуют

или их действие формальное, Э. Дюркгейм назвал аномией. Она исчезает там, «где солидарные органы находятся в достаточно тесном и продолжительном соприкосновении» [1, с. 342]. Описанная система взаимодействия социальных институтов, хотя и может спорадически возникать, идеальной является только для не-сетевого общества.

Однако в пространстве глобальных информационных сетей локальные социальные действия, из-за их взаимообусловленности, приобретают системные характеристики. Поэтому аномия превращается в неотвратимый процесс жизнедеятельности социума. Поддержание стабильности социальной системы и обеспечение функционирования социальных институтов становятся актуальными проблемами, решение которых возможно только на уровне социально-философского дискурса.

Отходя от доминирующих в научной литературе нравственно-эстетических подходов к решению указанной задачи, привлечем социокультурный потенциал информационных сетей. Выше мы обосновывали, что важным фактором социального равновесия является обеспечение реализации социальной справедливости. Однако какой бы совершенной ни была система общественных зависимостей и отношений, легитимность она приобретает только в пространстве социального доверия.

По нашему убеждению, этическая формула «доверяю человеку, а не структуре» постепенно замещается доверием к структуре, которая, с одной стороны, уменьшает негативное влияние человеческого фактора, а с другой — формирует уверенность в существовании институциональной социальной справедливости.

Без взаимного доверия социальных агентов, которое является следствием ощущения социальной справедливости, темпы развития социальной системы, ее адаптация к культурно-историческим реалиям замедляется, поскольку сужаются имеющиеся в ней информационные каналы.

Анализируя способы трансляции доверия в обществе конца XX — начала XXI века, Ф. Фукуяма указывает на социальный капитал как потенциал общества, который существует в форме религии, традиций, обычаев, морали и т. п. И хотя предложенное им толкование доверия, на наш взгляд, довольно противоречивое и опирается на авторитет государства и этическую форму общественного сознания, мы должны согласиться с тем, что «доверие не живет в соединенных друг с другом микросхемах или оптико-волоконных линиях. Предполагаемый информационный обмен, отнюдь не сводится к информации» [3, с. 52]. С этим выводом можно было бы согласиться на начальной стадии развития глобальных информационных сетей. Но в начале XXI века сеть стала полноценным социокультурным феноменом с ярко выраженной инновационной составляющей.

К сказанному следует добавить и тот аспект, что в отличие от предыдущих исторических эпох в информационную эпоху в социальное взаимодействие агенты вступают без дополнительного принуждения, ведь для них

важным является признанием, которое является «одним из главных двигателей всего исторического процесса» [3, с. 21]. При этом если в аграрном и индустриальном обществе право на признание имела только элита, то в условиях глобализации и разветвленных информационных сетей этот ресурс получил статус социального лифта и стал общедоступным.

Безусловно, это положительно влияет на развитие экономической, политической, культурной сфер жизнедеятельности социума. Стремясь к признанию, человек сопоставляет свои достижения с достижениями других, ищет пути реализации собственного интеллектуального капитала, работает над улучшением образования и т. п. Признание предстает перед личностью как ее желание, что находит свое отражение, как на сознательном, так и бессознательном уровнях психики. В любом случае «страсти, порождаемые желанием признания, часто работают на те же цели, что и желание рационального накопления» [3, с. 584]. То есть, признание не является самоценностью; его объективная основа в необходимости социально-экономического роста групп, государств, глобального социума в целом.

Со сказанного следует вывод о том, что социальные институты в информационном обществе являются легитимными до тех пор, пока не исчерпан ресурс социального доверия к ним. То есть, пока на уровне общественного сознания они связаны с воплощением и обеспечением социальной справедливости. В противном случае запускаются саморегулируемые деструктивные процессы, которые в пространстве глобальных информационных сетей приобретают мгновенное быстрое действие.

В результате эффективный и важный еще вчера социальный институт превращается в рудимент. Даже посторонняя (административно-бюрократическая) его поддержка становится не просто неуместной, но и опасной и непрогнозируемой по социальным последствиям. М. Хардт и А. Негри настаивают на том, что даже перед лицом культурно-цивилизационных вызовов существующая система социальных институтов (они называют ее Империей) стремится контролировать и подавлять процессы реализации инновационного и социокультурного потенциала социальных сетей. Особую тревогу вызывает выбранный ею метод сопротивления, ведь «Империя использует свою власть, чтоб управлять различными силами национализма и фундаментализма» [5, с. 367]. Однако эти практики не снимают социальную напряженность, а наоборот — придают волнениям масс политическое наполнение.

Неоднородность социального пространства при этом спровоцирована действием нескольких причин. Мы солидарны с М. Хардт и А. Негри в том, что основной среди них является превращение масс в активного политического субъекта. При этом «кооперация и коммуникация в различных сферах биополитического производства определяют новую продуктивную сингулярность. Массы — это не произвольное собрание и смешение народов, это —

сингулярная власть нового града» [5, с. 365]. Вследствие этого, опираясь на социокультурный потенциал глобальных информационных сетей, массы создают новую социальную географию, изменяя социальный пространственно-временной континуум.

Это раскрывает перед нами сущность социальных коллизий, противоречий, протестов и конфликтов, которые, как показывает практика, почти не поддаются качественному и количественному научному анализу. Популярные еще недавно законы развития, статистические методы, прогностические и компаративистские подходы неде-

ственные даже постфактум и не предоставляют целостной картины не только будущего, но и прошлого. По нашему убеждению, причина кроется в несоразмерности темпоральных координат социального пространства. В культуре модерна временная корреляция социального явления или события могла зависеть от нравственных, ценностных, политических или экономических интересов и целей. В связи с тем, что общество конца XX — начала XXI веков является фрагментированным, социальное время становится мерой распределения социального капитала в конкретной точке пространства.

Литература:

1. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда. Метод социологии/Эмиль Бюркгейм/Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. — М.: Наука, 1990. — 575 с.
2. Капица, С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. Изд. 3-е/С.П. Капица, С.П. Курдюмов, Г.Г. Малинецкий. — М.: Едиториал УРСС, 2003. — 288 с.
3. Фукуяма, Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ./Ф. Фукуяма. — М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. — 730 с.
4. Хайек, Ф.А. фон Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики/Фридрих Август фон Хайек: Пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева/Под ред. А. Куряева. — М.: ИРИСЭН, 2006. — 644 с.
5. Хардт, М., Негри А. Империя/М. Хардт, А. Негри: Пер. с англ./Под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. — М.: Праксис, 2004. — 440 с.